Casus belli. Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г.*

Сергей Владимирович Полехов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия / С.-Петербургский государственный университет, С.-Петербург, Россия

Екатерина Ричардовна Сквайрс

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Российская государственная библиотека, Москва, Россия

Casus belli. Ivan the Third's Declaration of War to Aleksander Jagiellończyk, June 24th, 1500

Sergey V. Polekhov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Catherine R. Squires

Lomonosov Moscow State University / Russian State Library, Moscow, Russia

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)», руководитель А. Л. Корзинин.

За консультации, замечания и снабжение копиями архивных источников и труднодоступной литературы благодарим Д. Антанавичюса (Вильнюс), Й. Гётца (Берлин), И. Гралю (Варшава), А. И. Грушу (Минск), Э. Гудаса (Вильнюс), С. Г. Жемайтиса (Санкт-Петербург), М. М. Крома (Санкт-Петербург), К. Петкевича (Познань), Г. Стришку (Вильнюс), А. Шведу (Торунь), С. Шибковского (Гданьск), а также московских коллег Т. А. Матасову, В. Д. Назарова и О. В. Русаковского.

Цитирование: *Полехов С. В., Сквайрс Е. Р.* Casus belli. Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г. // Slověne. 2021. Vol. 10, № 1. С. 262–295.

Citation: Polekhov S. V., Squires C. (2021) Casus belli. Ivan the Third's Declaration of War to Aleksander Jagiellończyk, June 24th, 1500, *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 262–295.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.12

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

В статье публикуется послание великого князя московского Ивана III великому князю литовскому Александру Ягеллону об объявлении войны от 24 июня 1500 г., сохранившееся в средненижненемецком переводе в Архиве ганзейского города Любека и до сих пор не учтенное исследователями. В качестве основания приводятся несправедливости Александра по отношению к Ивану III, его подданным и его дочери Елене, жене Александра. Диалектные особенности нижненемецкого списка указывают на его создание в Любеке. Выявленный в результате языкового анализа буквализм перевода позволяет опираться на него в выводах об оригинале послания, его содержании и лежащих в его основе источниках. Так, выяснено, что объявление войны составлено из жалоб, предъявлявшихся московскими дипломатами литовской стороне после заключения «вечного мира» 1494 г., на переговорах начиная с 1495 г. По сравнению с имевшимися до сих пор косвенными и краткими свидетельствами этот документ дает более полную картину событий, в том числе уточняет сведения источников о начале московско-литовской войны 1500–1503 гг.: эти данные, взятые вместе, показывают, что Иван III объявил войну Александру Ягеллону с большим запозданием, спустя несколько месяцев после начала военных действий. Найденный источник также свидетельствует о характере использования делопроизводственных материалов и участии формирующейся бюрократии во внешней политике Русского государства в конце XV в. Публикация документа сопровождается его переводом на современный русский язык.

Ключевые слова

Иван III, Александр Ягеллон, Елена Ивановна, Русское государство, Великое княжество Литовское, московско-литовские войны, объявление войны, средневековая дипломатика, средненижненемецкий язык, узус канцелярии Любека, Любекский городской архив

Abstract

The paper presents a missive from the Grand Duke of Moscow Ivan III declaring war to the Grand Duke of Lithuania Aleksander Jagiellończyk on June the 24th, 1500. The missive, so far unaccounted in scientific publications, survives in a Middle Low German translation kept in the archive of the Hanseatic City of Lübeck. The declaration of war is motivated by alleged injustices done to Ivan III, to his subjects and to his daughter Elena Ivanovna, who was Aleksander's wife. Judging by the particular dialect of Low German, the translation was made in Lübeck. Its literality allows conclusions about the content of the original missive and the sources on which it was based. Analysis shows that the arguments included complaints formulated by Muscovite diplomats after the conclusion of the 'eternal peace' of 1494, beginning with the negotiations in 1495. Compared to indirect and short textual evidence available so far, this document gives a fuller picture of the events, including a more precise date of the beginning of the Muscovite-Lithuanian War of 1500–1503: brought together, all sources show that the declaration was made by Ivan III with considerable delay, months after warfare had begun. The document also demonstrates how the 15th-century Russian state used official documentation in its foreign policy and which role the emerging bureaucratic class played in it. The published document is accompanied by a Russian translation.

Keywords

Ivan III, Aleksander Jagiellończyk, Elena Ivanovna, Russian state, Grand Duchy of Lithuania, Muscovite-Lithuanian wars, declaration of war, medieval diplomatics, Middle Low German, language usage of the Lübeck chancery, city archive of Lübeck

1. Введение: Грамота Ивана III — малоизвестный источник по истории московско-литовских взаимоотношений

В Архиве ганзейского города Любека хранится средненижненемецкий перевод грамоты великого князя московского Ивана III об объявлении войны великому князю литовскому Александру Ягеллону. Хотя этот источник в архивной описи правильно назван и датирован (24 июня 1500 г.), до сих пор он не привлекал внимания исследователей. Нам не удалось выявить его публикации, не отмечены они и в архивной описи, а ссылок на него нет в обширной литературе, посвященной московско-литовским отношениям рубежа XV–XVI вв. Причину этого следует искать в том, что грамота сохранилась в переводе на средненижненемецкий язык, довольно специфический и непростой для понимания; к тому же лист бумаги, на котором написан этот перевод, поврежден (согласно нашим наблюдениям, немецкие публикаторы многотомных изданий источников XIX — начала XX в. старались избегать таких текстов, установление которых было сопряжено с трудностями)[1]. Оригинальный текст грамоты был записан в древнейшую московскую посольскую книгу по сношениям с Великим княжеством Литовским, но две тетради этой книги, в которых находилась грамота, утрачены[2]. Из опубликованных материалов можно было заключить, что Иван III объявил войну Александру значительно позже начала военных действий, а обосновывался этот шаг нарушениями московско-литовского мирного договора, якобы имевшими место со стороны Александра, в сфере конфессиональной политики, — принуждением Елены и «князей и панов русских... к римскому закону»[3]. Но даже эти моменты оставались в тени

[1] На любекском переводе имеется пометка хорошо узнаваемым почерком рижского архивиста Германа Гильдебранда (1843–1890), собравшего в европейских архивах огромное количество источников по истории Ливонии и подготовившего несколько томов «Ливонских грамот» («Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch»).

[2] Публикация: [Сб. РИО 35]. Рукопись книги к настоящему времени разделена на две части: первая, до 45-й тетради включительно (до 1500 г.), хранится в РГАДА, а вторая, начиная с 48-й тетради и 1500 г. — в ОР РНБ [Мошкова 2017: 238].

[3] Свидетельства источников об объявлении войны см. ниже.

других аспектов московско-литовской войны 1500–1503 гг. — перехода «украинных» князей на службу к Ивану III и битвы на р. Ведроше 14 июля 1500 г. [Papée 1999: 35–45, 67–75; Каштанов 1967: 155–165; Зимин 1982: 178–188; Błaszczyk 2002: 26–34; Kwiatkowski 2002; Алексеев 2009: 371–431; Кром 2019: 107–116][4]. Подобные грамоты были известны в науке, но главным образом по кратким упоминаниям, в меньшей степени — по переводам на языки получателей, как в случае послания Ивана IV в Ливонию 1557 г., недавно опубликованного по русскому оригиналу [Попов, Филюшкин 2011]. Все это делает необходимым введение в научный оборот малоизвестного источника.

2. Происхождение и особенности любекского перевода грамоты Ивана III

Местонахождение письма в любекском архиве на первый взгляд кажется неожиданным. Однако обращение к источникам конца XV в. показывает, что в городе, возглавлявшем Ганзейский союз, внимательно следили за происходящим на Руси. И Любек, и Великое княжество Литовское участвовали в событиях, развернувшихся после закрытия московскими властями ганзейского двора в Новгороде в 1494 г., тем более что среди арестованных тогда купцов оказались и любечане. Любек координировал переговоры о возобновлении запрещенной после этого торговли с русскими купцами и об освобождении ганзейских купцов; об этом дважды, в 1495 и 1497 г., ходатайствовал перед Иваном III великий князь Александр. Уже летом 1498 г. он предложил Ганзе заключить союз о взаимопомощи на случай войны [Казакова 1975: 261–295; Selart 2003]. Все это объясняет судьбу дошедшего до нас текста, более того — позволяет предположить, что именно в Любеке сделан немецкий перевод письма.

Анализ диалектных особенностей в языке немецкого списка показывает, что его любекское происхождение очень вероятно. Язык этого переводчика в целом соответствует узусу, принятому в Любеке в данную эпоху. К его чертам можно отнести наблюдаемые в послании случаи с фонетическим переходом *ald* > *old* (в слове *stadholder*), форму единого окончания множественного числа *-en* (*hebben* ‘имеете’/‘имеют’), огласовку *-o-* и начальный шипящий в формах модального глагола (в прошедшем времени *scholdest*, *scholde*, *scholden*; в настоящем *schal*), форму суффикса абстрактных существительных *-inge*, характерные для Любека

[4] Исключение составляет разве что книга Феликса Конечного, который достаточно много внимания уделил началу военных действий и объявлению войны [Koneczny 1984: 115–120]. Однако он опирался лишь на опубликованные источники и не знал публикуемой ниже грамоты Ивана III, а его книга, изданная посмертно в Лондоне, практически прошла мимо внимания ученых. За указание на нее и присылку копии соответствующего фрагмента искренне благодарим проф. И. Гралю (Варшава).

варианты отдельных лексем, как *frund* 'друг' / *frundschopp* 'дружба' и *darsulves* 'там же' с корневым *-u-*, местоимение *wy* 'мы' и др. [Peters 2012: 52, 57, 70, 82, 87]. В перечисленных случаях другие части нижненемецкого региона представлены иными, чем в любекском канцелярском узусе и в послании 1500 г., вариантами. Например, в (южно)вестфальском сохраняется *-ald* (ср. в слове *sakewalde* 'истец') и суффикс абстрактных существительных имеет форму *-unge*, а в остфальском регулярно удваиваются *-mm-*, *-nn-* в таких словах, как *gekommen*, *genommen*. Ряд черт, напротив, является общим для всего средненижненемецкого и не выделяет язык послания на этом общем фоне; таковы, например, стяженные формы 2 лица ед. ч. глагола 'иметь' *hefftu/hesstu* и колебание в лексеме 'сегодня' *huten/hute* [Ibid.: 45, 56, 68, 103; Sarauw 1924: 206].

Эту ровную, умеренно ограниченную любекским картину диалектного происхождения послания 1500 г. нарушают единичные отклонения, например, огласовка *o-* в формах личных и притяжательных местоимений *mit one* 'с ними', *by ore* 'с ней', *ore* 'ее', *van oren...* 'от их...', которая считается стойкой характеристикой остфальского, в отличие от обычных средненижненемецких форм на *e-* (*ene*, *ere*, *enen*) или на *i-* (*ine*, *ire*, *inen*) [Peters 2012: 84–85]. Эти черты не имеют однозначного объяснения, однако понятно, что они не означают, что происхождение немецкого перевода должно быть связано с канцелярией из какого-либо остфальского центра; напротив, выше было показано, что язык документа лишен важных характеристик остфальского диалекта.

Уже первоначальный анализ средненижненемецкого перевода грамоты показал его близость к претензиям, выдвигавшимся на московско-литовских переговорах в 1494–1500 гг.[5] Их сравнение позволило оценить перевод на средненижненемецкий язык как весьма точный (ряд неточностей будет отмечен ниже). В некоторых местах есть даже свидетельства излишнего буквализма. Например, так можно объяснить непонятное построение предложения *darumme* ***wy*** *van Godes gnaden vor de cristenheit des Grekesschen gelouven willen* ***wy*** *stan, so verne uns God helpet...*, где одно из двух *wy* 'мы' является лишним. К дублированию лексемы *wy* 'мы' привел, по всей вероятности, неудачный, пожалуй, даже неправильный порядок слов в переводе. Очевидно, переводчик начал предложение, воспроизводя русское построение предложения оригинала (*«поэтому мы Божьей милостью за христиан и греческий закон... желаем стоять»), однако, дойдя до глагола, подчинился немецкому синтаксису, который в данном случае (в предложении, начинающемся с «поэтому») требует инверсии, то есть обратного порядка подлежащего и сказуемого (*willen wy*). В результате немецкий писец

[5] Соответствующие места отмечены ниже в публикации текста.

поставил после глагола «хотим» вторично подлежащее «мы». Перевод правовых текстов, для которых характерен сложный синтаксис, с длинными вставными периодами, разделяющими части главного предложения, представляет большие трудности, если речь идет о двух языках с различающимися правилами порядка слов. Такая работа требует в первую очередь опыта работы именно с данными двумя языками, которого, видимо, переводчику послания в данном случае не хватило.

Примером такого же буквализма может служить выражение *an deme ummegange* ‘на переходах’. Значение существительного *ummegank* в средненижненемецком языке характеризуют как ‘обход, хождение или процессия вокруг чего-л., круг’ [Köbler 2014; Schiller, Lübben V: 6], что не позволяет составить представление о задуманной постройке. Конкретные контексты из других средненижненемецких текстов — в основном описания мест погребения, — показывают, что так могут называться различного рода обходные сооружения, галереи внутри храмового пространства, в том числе и находящиеся на возвышении, например: *in unser vrouwen kerken boven umme dat koer, under dem welfte bi dem ummegange* ‘в храме Пресвятой Богородицы, над хорами, под сводом, на галерее’ (из завещания 1416 г.); *in den ummegange jegen den pilre, daran gebildet is wo S. Oleff uppen stole sittet* ‘в галерее напротив столба, на котором изображен св. Олаф, сидящий на престоле’ (описание 1432 г.) [Jensen 2004: 40; Jahnke 2003: 16, Anm. 63][6].

Ясно, что в письме 1500 г. речь не может идти о внутренней галерее в церкви; напротив, церковь должна была строиться при этой галерее, быть с ней соединенной («на переходах»). Встречаются, хотя и реже, контексты, указывающие на окружные сооружения, расположенные вне церкви. Например, в следующем описании монастыря тамплиеров сннем. *vmmegank* употреблено параллельно с латинским названием, как его пояснение: *oer wuninge hadden se in dem portico, dat is vmmeganck des tempels* ‘их жилые помещения находились *in portico*, то есть в галерее храма’ (цит. по: [Schiller, Lübben V: 6]). Находящаяся вне основного церковного объема, но соединенная с ним круговая галерея — по всей видимости то, что по-немецки сегодня называется Kreuzgang (клуáтр, по-французски cloître). Характерно, что у него нет русского соответствия; тем не менее этот контекст приближает нас к пониманию, что в письме имеется в виду галерея, которая должна была соединять новую церковь с великокняжеским дворцом.

Это понимание подтверждается изложением требований Ивана III к Александру Ягеллону в посольской книге и их историческим контекстом.

[6] Многочисленные круговые хоры внутри храмов Германии описаны в: [Badstübner, Schumann 2000].

Уже на переговорах с римским королем Максимилианом и его послом Георгом фон Турном в 1490 г. московский правитель требовал поставить церковь для дочери, выдаваемой замуж за правителя-католика [ПДС 1: 30–33, 44–45][7]. В литовском же контексте это требование могло конкретизироваться благодаря сведениям о строительных работах в Вильне, доходившим, судя по всему, до Москвы. Единственное известное упоминание об этом сохранилось в распоряжении великого князя литовского виленским «врадникам» 1493 или 1494 г. увеличить обеспечение продуктами городенских каменщиков («муралей»), выполняющих какую-то работу на господаря в Вильне [АЗР 2018: № I-165]. Александр, в отличие от отца, занимал лишь литовский престол, придворная жизнь с его вокняжением оживилась, и он, возможно, уже тогда задумался над реконструкцией резиденции по последней моде. В Москве ссылались на то, что великой княгине далеко ходить на богослужение в одну из церквей «русского конца» Вильны, расположенных, действительно, на изрядном отдалении от замка [Jonaitis 2011].

Высказывания московских дипломатов локализуют церковь «на переходех у двора», но установить их местоположение трудно. Согласно данным раскопок виленского Нижнего замка, в его дворе Александр мог застать деревянные межэтажные галереи [Kitkauskas 2012: 119]. Как бы то ни было, церковь предлагалось вписать в комплекс построек замка, подобно кафедральному собору Св. Станислава и Владислава.

Еще один яркий пример дословного перевода, исказившего смысл текста, — фраза *vele unser koplude in dynen landen sin berovet unde vorkofft*, которую мы переводим «купцов наших было много в твоих землях ограблено и продано». Немецкий переводчик, по-видимому, не знал характерного для московской деловой письменности значения, в котором здесь был употреблен глагол *продавать* — 'штрафовать' [СДРЯ 9: 36, 44–45; СлРЯ 20: 115–116]. Между тем в тексте жалоб московских дипломатов от имени Ивана III, переданных его дочери Елене, жене Александра Ягеллона, в марте 1498 г., эта претензия изложена более развернуто, что и позволяет точнее понять ее смысл: «А гостей нашихъ и купцовъ въ его [Александра. — *П. С., Е. С.*] землѣ грабятъ и лишние пошлины на нихъ емлютъ и продаютъ безлѣпъ» [Сб. РИО 35: 255].

Дословность перевода наиболее ярко проявилась в завершающей части послания:

> *Unde so up uns is gewest de crutzkussinge, unde de crutzkussinge sy van uns dy affgesecht. Ock sch[al] God myt dy darumme richten unde de utherwelde Godes thelerinne unde de vorlosinge des Cru[tzes].*

[7] Этот брак так и не состоялся. См.: [Бойцов 2017].

> ‘И какое было на нас крестное целование, то крестное целование к тебе с нас долой. И пусть с тобой Бог о том управит и Пречистая Матерь Божья и сила [животворящего] Креста’.

Пояснений здесь требует не совсем обычное для текстов западной традиции словоупотребление.

В контексте послания *Godes thelerinne* — обозначение Девы Марии как Матери Божьей, где *telerinne* — семантический эквивалент латинского *genitrix* ‘родительница’. Это существительное встречается в средненижненемецких текстах, например, в грамоте из Мекленбурга 1430 г.: *der hilgen drewaldicheit vnde der Juncfrowen Marien,* ***telerinne godes****, vnde alle godes hilgen* ‘святой Троице, Деве Марии Матери Божьей, и всем Божьим святым’. В отличие от текста латинской традиции, в переводе русского текста — очевидно, в полном соответствии с оригиналом — Богородица не названа Девой Марией.

Определение *vterwelde* представляет собой причастие от глагола *vter-welen* ‘выбирать’, часто в контексте «богом избранный»; его можно встретить в зачине богородичной молитвы ср.: *Wes ghegrot oenbevleckede juncvrouwe, uterwelde moder godes* ‘Будь благословенна, непорочная Дева, избранная Матерь Божья’ [Stahl 2004: 416]. Значение русского прилагательного Пресвятая — в усилении обозначения качества, ср. использование превосходной степени прилагательных в формуле, выражающей высокую степень восхваления Богоматери: «Из всего доброго — Она лучшая, из всего святого — Она святейшая, из всего чистого — Она чистейшая, из всего чудесного — Она чудеснейшая... После Господа Христа — Она совершеннейшая Вседобродетель в роде человеческом» [Преп. Иустин Попович 2007: 419–420]. Этот усилительный элемент, заключенный в приставке *пре-*, очевидно, и должен был передать немецкий эпитет *vterwelde* ‘избранный’. Его употребление, хотя и допустимое для обозначений Богородицы, все же не характерно для заключительных формул официальных писем, а потому оно тоже может свидетельствовать о влиянии русского образца.

Необычна формула *de vorlosinge des Cru[tzes]* ‘сила животворящего креста’. Средненижненемецкая лексема *vorlosinge* ‘избавление, освобождение, спасение’ логично связывается с второй частью, *des Cru[tzes]* ‘Креста’ (род. п.), которая несет символический смысл Древа Жизни, свидетельства человеческого спасения (ср. лат. *salutem humani generis in ligno crucis constituisti*). Однако в качестве заключительной формулы письма или послания аналогичные выражения нами в немецких текстах не встречены. По-видимому, образцом для него все же послужило русское выражение: в конструкции *vorlosinge* с зависимым от него генитивом слова *Крест* соединены, хотя и другим, чем в русском,

синтаксическим способом, те же смысловые элементы: *vorlosinge* 'спасение', как свойство Креста, то есть животворящая сила.

Калька с русского прослеживается не только в лексике, но и в синтаксисе перевода:

Ock sch[al] God myt dy darumme richten.

'И пусть с тобой Бог о том управит'.

В средневековом немецком языке глагол *richten* 'судить' является одним из важнейших юридических терминов, он встречается в многочисленных синтаксических конструкциях, соответствующих разнообразным правовым, а также переносным контекстным значениям. Однако синтаксическая модель, представленная в документе (*sch[al] God darumme richten*), с глаголом *richten* + 1) *myt dy* и 2) *darumme/umme* с существительным, и в отношении Бога, не встречена нами в немецких текстах [DRW].

В большом корпусе контекстов, собранном в Немецком юридическом словаре Гейдельбергского университета, есть конструкция *rihten* + *myt* +дательный падеж, однако глагол имеет в ней возвратную форму (с местоимением *sich*) и общий смысл совершенно другой: 'примириться, прийти к соглашению', например: *sich mit dem abte rihten* 'примириться с аббатом'. Точно так же и конструкция с предлогом *umme* при дополнении в винительном падеже имеет смысл, далекий от контекста письма 1500 г.: *richten vmb thodschleg, diebstal* 'судить за убийство, кражу' [DRW]. Не подходят и контексты, сочетающие обе эти валентности, например: *sich mit yn vmb schaden oder schulden zu richten* 'прийти с ним к соглашению насчет ущерба или долгов' [Ibid.].

Поэтому логично предположить, что отклоняющийся от немецкого узуса синтаксис формулы в переводе послания Ивана III свидетельствует о попытке переводчика передать смысл русского выражения, и потому правомерен перевод немецкой формулы, близкий к русскому: «с тобой Бог о том управит».

Возможно, канцеляристу, которому был поручен перевод, не был привычен деловой язык Московской Руси, или же он, занимаясь контактами с Великим княжеством Литовским, имел дело преимущественно с латинскими текстами. На это указывает сохранение латинских падежных окончаний при упоминании имен и титулов официальных лиц — ср.: *Deme grothfo[rsten] Allexandr**o** tho Lettowen*; ниже *myt forsten Allexandr**o***. Этим можно объяснить и проявление буквализма в передаче русских выражений, которые легко «просматриваются» в его переводе: *dat crucze hefftu darup gekusset, dat du scholdest wesen unsen frunden eyn frund unde unsen vyen[den] eyn vyent* «ты крест целовал на том, что нашим

друзьям быть тебе другом, а нашим недругам быть тебе недругом»; *unde leydest se up uns* «и наводишь их на нас».

На основании замеченной у писца тенденции к отражению в немецком тексте латинских окончаний в формах имен возможна реконструкция окончаний, утраченных в результате повреждений или сокращенных писцом. При этом, как правило, и падежное управление оформляется в соответствии с латинской грамматикой: *hefft nicht laten ... Macharium* (прямое дополнение, в винительном падеже); *effte de abbet Mach[arius]* (подлежащее, в именительном падеже). С учетом этой тактики переводчика возможны реконструкции в неоднозначных случаях: *eyn stadholder des metropolitan(i)*, с отражением латинского генетива, или *metropolitan(us)*, адаптированное к немецкому узусу.

В весьма точном переводе можно отметить лишь некоторые неточности. Так, в грамоте говорится о сношениях Александра с Ахматом и его детьми. Однако хан Большой Орды Ахмат погиб еще в 1481 г. [Трепавлов 2010: 74–75], и в Москве об этом прекрасно знали; в грамоте наверняка стояло «с Ахматовыми детьми», как в литовской и крымской посольских книгах. Здесь же переводчик не понял оборот «в Орду», который перевел словами *in dat heer*, т. е. «в войско». Впрочем, не исключено, что дело в другом: переводчик не располагал специфическим эквивалентом для перевода этой реалии. В обычном для московской (как, впрочем, и для литовской) дипломатики выражении в дате — «писана... лета 7008», переданном как «des sommers VII^{M} des VIII», — переводчик не понял, что «лето» означает «год», а не «время года» (тем более что 24 июня — это и правда лето).

Поскольку правый край листа значительно поврежден по всей длине, имеются утраты текста, коснувшиеся концов почти всех строк текста. На эти утраченные места в некоторых случаях приходятся слова, важные с точки зрения понимания текста. Для восстановления этих утрат был применен счет количества знаков в строке, который позволял выяснить, сколько знаков могло быть утрачено на конце. Исходя из полученного числа подбирался вариант окончания строки. Например, на конце предпоследней строки видны последние буквы *Cru[...]*, что могло бы быть началом слов *crucekussinge* ‘крестоцелование’, *crucebref* ‘крестная грамота’ или *cruce* ‘крест’. Однако, поскольку методом счета знаков было установлено, что на конце этой строки утрачено не более трех–четырех букв, возможен был только последний вариант. Таким образом слово реконструировано как *Cruces/Crutzes*, а вся фраза прочитывается *unde de vorlosinge des Cru[tzes]*.

Определенные сложности представляло различение глагольных форм *hefftu* и *hesstu*, очень похожих в манере любекского писца. Для

средненижненемецкого характерны вариантные формы глагола *hebben* 'иметь', во 2 л. ед. ч. презенса 'ты имеешь' (также в качестве вспомогательного глагола, как в нашем случае) встречаются как *(du) hevest*, так и различные варианты стяжения: *hest*, *hefst*, *heft* [Sarauw 1924: 205–206]. Поэтому, с учетом манеры писца удваивать написания согласных букв, равно возможны прочтения форм с суффигированным (присоединенным на конце) местоимением 2 л. как *hefftu*, так и *hesstu*.

Пояснения требует также место *du sodane dinck dryft*: глагол *drivan* значит 'приводить в движение', но встречается и в переносном значении 'делать, поступать; учинить что-л.'; в этом смысле он встречается и с существительным *ding*, *dink*, например: *Ik hebbe juw en dink gedreuen* 'я кое-что устроил, совершил для вас' [St. Anselmi Fragen, 234r, 18]. Встречающееся в послании 1500 г. *dryft* является формой 2 л. ед. ч. наст. вр. этого глагола, по поводу утраты -s- в флексии 2 лица -st, ср. сказанное выше по поводу форм *hefftu, hesstu, heft*.

3. Война, «вечный мир» и опять война (1492–1500). Предыстория грамоты Ивана III

Чтобы понять происхождение публикуемой грамоты, необходимо напомнить события, которые предшествовали московско-литовской войне 1500–1503 гг. и привели к ней. Соперничество двух Великих княжеств — Литовского и Московского — переросло в полномасштабную войну к концу правления Казимира Ягеллона (1440–1492). Как показал В. Н. Темушев, ее начало следует датировать 1486 г. [Цемушаў 2014]. Новый великий князь Александр, заняв виленский престол летом 1492 г.[8], начал искать примирения с Иваном III. «Вечный мир» было решено скрепить женитьбой Александра на дочери московского правителя Елене: такие перспективы рассматривались еще при Казимире. После нескольких месяцев переговоров «вечный мир» был заключен 5 февраля 1494 г. Выдавая Елену замуж за набожного католика Александра, Иван III настоял на письменных гарантиях того, что тот не будет принуждать ее к «римскому закону» и она останется в православной вере. 4 февраля в Москве состоялось заочное обручение, но из-за задержки с грамотой Александра[9] Елена отправилась в путь почти через год,

[8] Его правлению в Великом княжестве Литовском посвящены специальные работы: [Papée 1999; Pietkiewicz 1995; Idem 1997; Idem 2016; Petrauskas 2015].

[9] Она была выдана 26 октября 1494 г. [Сб. РИО 35: 159]. Этому предшествовали долгие переговоры: Иван III настаивал на выдаче грамоты согласно проекту, врученному литовским послам, и отказывался принять предложенный Александром вариант, в котором вероисповедание Елены оставлялось на ее усмотрение [Сб. РИО 35: 124–125, 133, 143, 158; LM 5 (1993): 88–89, 193].

15 января 1495 г. Спустя ровно месяц в Вильне состоялось венчание[10]. Отпуская Елену в Литву, Иван III выдвинул условие сохранения ею православной веры — строительство церкви на территории виленского нижнего замка [Сб. РИО 35: 162].

Попав в Вильну, Елена практически сразу оказалась между двух огней: семья Александра и католическое духовенство Польши и Литвы настаивали на ее обращении в католицизм, а Иван III — на сохранении ею «греческой веры». Особенно непросто в этой ситуации приходилось Александру: его попытки найти решение, приемлемое для обеих сторон, не устраивали ни одну из них. Великий князь московский не упускал случая указать ему на случаи действительных или мнимых нарушений им соглашений с Москвой. Так, венчал Александра и Елену не православный епископ, не нареченный митрополит Макарий и не поп Фома, прибывший с московской княжной, а виленский католический епископ Войтех Табор в кафедральном соборе Св. Станислава и Владислава. Иван уже в мае 1495 г. выражал недовольство высылкой московской свиты великой княгини [Сб. РИО 35: 191–192], а его дипломаты жаловались, что Александр приставил к ней католиков или велел перекрестить членов ее свиты, тогда как расходные книги приводят русские имена ее придворных [AJDSK: по указ.], а в ее верительной грамоте еще в ноябре 1496 г. употребляется оборот, характерный для делового языка Московской Руси [Сб. РИО 35: 227; Циммерлинг 2020: 357–358][11], а значит, к этому времени члены ее московской свиты оставались при ней. Великий князь московский настаивал на строительстве православной церкви для Елены близ господарского дворца и отвергал ссылки Александра на установления его предшественников, запрещавшие строительство таких церквей в Литве. К этому добавлялись жалобы московской стороны на то, что Александр в своих грамотах пишет титул («имя») Ивана III не так, как предусмотрено докончанием [Сб. РИО 35: 193, 207–208], на контакты с противниками великого князя московского и на притеснения его подданными купцов, едущих в Московское государство[12].

---

[10] Подробнее о биографии Елены см. специальные работы последних лет [Mickūnaitė 2017; Rutkowska 2020] и статьи в справочных изданиях [Garbacik 1961; Хорошкевич 2007; Флоря 2008]. Отдельная исследовательская тема — эпистолография Елены Ивановны [Лурье 1979; Keršienė 2017]. В этих работах указаны источники и литература.

[11] У Циммерлинга ошибочно датировано январем 1497 г., однако это — дата получения писем Александра и Елены в Москве. Датируем верительную грамоту по доставленному вместе с ней письму Александра от 18 ноября 1496 г.

[12] О московско-литовских дипломатических контактах в этот период см.: [Białowiejska 1930; Fennell 1961; Хорошкевич 1980: 101–102, 105–107, 114–118; Banionis 1998: 123–124, 205–209, 270–286]. Отголосок другого, позитивного образа Александра Казимировича на Руси можно видеть в замечании псковского летописца: «а называли его милостивым» [ПЛ 1: 84].

Роковым оказалось решение Александра реанимировать церковную унию. После Флорентийской унии 1439 г. такие попытки несколько раз предпринимались в Великом княжестве Литовском. Они в очередной раз активизировались в конце 90-х гг. XV в. [Флоря 2007: 257–265; Pietkiewicz 1995: 165–168; см. также: Rowell 2013, в этих работах прочая литература]. Одним из проявлений этого стало основание в Полоцке в 1498 г. монастыря бернардинов, задачей которых было обращение православных. При этом в 1499 г. Александр Ягеллон сделал шаги навстречу православному духовенству, дополнив «Свиток Ярославль» статьями о его прерогативах в судебной сфере, и православным князьям восточных регионов Великого княжества Литовского, подтвердив специальными привилеями их права на владения [Флоря 2007: 260; Pietkiewicz 1995: 107–108]. Это указывает на то, что с православными подданными Александра велись какие-то консультации: как предполагают исследователи, возможно, готовилось обращение к папе римскому наподобие «послания Мисаила» 1476 г. Но в Москве, где церковную унию отождествляли с «латынством», тогда же заявляли о гонениях на православие. Кульминации эти заявления достигли на переговорах с литовскими послами в апреле 1500 г.

Создается впечатление, что Александр Ягеллон, видя, что дело идет к войне, пытался ответить на претензии московской стороны действиями. Так, 3 января 1500 г. он расширил владения Елены, придав к ее двору Пенянкам людей Шевенян и Вялевичей со всеми их угодьями и податями [LMAVB RS, F 16–22, l. 4]. 20 марта 1500 г. Александр пожаловал игумену гродненского Коложского монастыря (при знаменитой церкви Св. Бориса и Глеба) близлежащий сад. Это произошло при участии великой княгини, которая «правила» документ [АСД 9: 416][13]. Тем не менее переговоры между великим князем, его светскими подданными, митрополитом Иосифом, православным и католическим духовенством, константинопольским патриархом и папой римским продолжались даже после начала военных действий. Важное дополнение к данным об этом [Флоря 2007: 264–266] содержит одна из расходных книг великокняжеского двора. Из ее записей выясняется, что 7 сентября 1500 г. Александру в Черсвяты доставил 140 коп[14] широких грошей от митрополита Киевского и всея Руси трокский воевода Ян Юрьевич Заберезинский, а 10 октября — 29 с половиной коп «dominus notarius Sapyha» [AJDSK: 242, 244, 254], то есть писарь великокняжеской канцелярии Иван Семенович Сопега, активный участник переговоров о церковной унии, вскоре после этого отправившийся в Рим. Поскольку Ян

[13] О значении формулы «правил» см.: [Груша 2019: 355–370].

[14] Копа — счетная единица, равная 60 шт.

Юрьевич Заберезинский после этого отправился в посольство к Ивану III [ВПК: 77], можно заключить, что переговорам с великим князем московским, представлявшим себя защитником православия в Великом княжестве Литовском, предшествовали консультации с митрополитом Киевским и всея Руси Иосифом.

4. Начало военных действий и объявление войны (1500)

Начиная с конца 1499 г. контакты Ивана III с «украинными» православными князьями Великого княжества Литовского тесно переплетались с военными действиями на восточных окраинах этого государства. Вероятно, уже осенью 1499 г. к Ивану просился в службу князь Семен Иванович Бельский; при этом он отправил Александру «отказную» грамоту, ссылаясь на немилость великого князя литовского к нему и намерение «привести в римский закон». К февралю 1500 г. «люди» великого князя московского захватили Мценск, Серпейск и Мосальск, и уже в конце апреля он заявлял литовским послам о переходе на его службу князей Мосальских и Хотетовских. В апреле 1500 г. к Ивану прислали бить челом о приеме в службу князья Семен Можайский и Василий Шемячич, ссылаясь опять-таки на конфессиональные притеснения (и захватив несколько стратегически важных северских крепостей). Однако М. М. Кром вполне убедительно заключил, что эти князья перешли под власть Ивана III не из-за гонений в Литве, а из-за стремления повысить собственный статус и приумножить владения и из-за давления из Москвы [Кром 2019: 107–116; см. также: Цемушаў 2010]. При этом уже зимой (то есть не позднее марта) 1500 г. великий князь московский приказал псковичам готовиться к войне [ПЛ 1: 84]. В апреле — мае московские войска выступили на юго-запад (в северские земли, где делали наибольшие успехи) и на запад (на Смоленск); чуть позже к этим направлениям добавилось северо-западное: 9 августа под натиском войска, выступившего из Великих Лук, пал Торопец.

Реакция Александра на московское нападение выглядит растерянной и хаотичной. К очередной войне в Великом княжестве Литовском не готовились, а когда она началась, Александр судорожно пытался найти выход из сложившейся ситуации. В конце первой декады июня великий князь литовский покинул Вильну и выехал в Полоцк, где пробыл до 17 октября[15]. Еще в августе Александр заявлял о намерении отправить посла к Ивану III, чтобы уладить все спорные вопросы. При этом уже 5 июня он просил у данцигских и других купцов, прибывших в Ковно, внушительную сумму в 1000 коп грошей деньгами или

[15] Оттуда Александр через Браслав и Дрисвяты к началу ноября вернулся в Вильну [Pietkiewicz 2016: 77–82].

сукном[16], а в июле заботился о выплатах пушкарям и вербовке наемников [AJDSK: 184]. 2 июля в письме европейским правителям, городам и ротмистрам наемников великий князь литовский заявлял о намерении учредить рыцарский орден для защиты от «князя московского и других неверных» [GStAPK, OBA 18294; публ.: Caro 1888: 1022–1024; регест: LUB II.1: № 1001], что для 1500 года выглядит уже довольно анахронично [Petrauskas 2008: 103]. Отвечая на претензии Ивана III, который на переговорах в августе 1499 г. отверг требование Александра выдать специальную грамоту с отказом от Киева и его пригородов и волостей [Сб. РИО 35: 282, 284–285], Александр модифицировал свой титул, начав именоваться — во всяком случае, в посланиях западным адресатам — «великим князем литовским и земель Жомойтской, Русской и Киевской» (такая титулатура в разных вариантах сохранялась в практике литовской великокняжеской канцелярии вплоть до избрания Александра на польский престол после смерти короля Яна Ольбрахта)[17]. К концу июня о начавшейся войне с Москвой и неблагоприятном для литовской стороны ходе событий знали в Польше, с которой в 1499 г. Александру не удалось возобновить унию. Уже 29 июня о московских успехах писал из Кракова флорентиец Октавиано де Гуччи [Sanuto 3: 548][18], а 4 сентября — и сам король Ян Ольбрахт и его секретарь Мацей Джевицкий [CESXV 3: № 462; ASPK III.2: № 476]. Тем же летом Александр отправил посольство в Венгрию к своему брату, чешскому и венгерскому королю Владиславу (Уласло) II, который затем предпринял попытку посредничества в московско-литовском конфликте [AJDSK: 148, 224; LM 5 (1993): № 110, 111, 112.1, 112.2; Baczkowski 1992]. Очевидно, еще находясь в Вильне, великий князь литовский выслал войска под Смоленск (об этом говорит их состав). Но 14 июля они потерпели поражение на р. Ведроше под Смоленском, а гетман Константин Острожский попал в московский плен.

Неудачи Литвы в начавшейся войне с Москвой были вызваны целым рядом факторов: это и слабость литовского войска, и позиция литовских панов, экономические интересы которых были связаны с другими регионами Великого княжества Литовского, и просчеты литовской разведки, а возможно, и нерешительность Александра Ягеллона (впрочем, историки уже не склонны безоговорочно доверять оценке, данной ему

[16] Письмо Александра опубликовано в выдержках и пересказах: [HUB 11: № 1206; Katalog 2016: № 126; Szybkowski 2017: 116].

[17] Помимо уже упоминавшегося послания от 2 июля 1500 г. [Caro 1888: 1022], см. письма великому магистру Тевтонского ордена 1500–1501 гг.: [GStAPK, OBA 18310, 18361, 18491, 18704] и ряд других примеров, собранных в работах: [Halecki 1916: 224–225, przyp. 4; Хорошкевич 1980: 106, прим. 160].

[18] За перевод этого фрагмента благодарим Т. А. Матасову.

современниками, — сколь негативной, столь же и тенденциозной) [Pietkiewicz 1995; Idem 2007]. Растерянность Александра можно в какой-то степени объяснить тем, что он не получал официального объявления войны. Во всяком случае это подчеркивали литовский господарь и его дипломаты в контактах с соседями, снимая с себя часть ответственности: Александр, его советники, информаторы и подданные могли бы вспомнить события 14-летней давности, ведь война 1486–1494 гг. также начиналась без объявления [Цемушаў 2014]. Поскольку мир 1494 г. заключался как «вечный», то процедура расторжения договора в нем не прописана и вообще не предусмотрена, в отличие от перемирий, в которых оговаривался порядок действий сторон по истечении срока их действия. Но объявление войны предусматривалось неписаными нормами, характерными и для латинского мира [Szweda 2009: 281–292; Idem 2010; Idem 2019], и для Руси (во взаимоотношениях русских земель как между собой, так и с западными соседями), где такая грамота называлась «взметной», «разметной» или «складной»[19]. Иногда в мирном соглашении специально оговаривалось, что о предстоящем расторжении мира противоположную сторону следовало оповестить заранее, с указанием этого срока. Так, в 1500 г. Александр жаловался ливонскому магистру Вольтеру фон Плеттенбергу, что Иван III напал «неотъповедне» [LM 5 (1993): № 89], т. е. без объявления войны[20]. Эту жалобу повторяли и сам Александр в уже упоминавшемся послании от 2 июля 1500 г., и его маршалок и наместник витебский, посол к великому магистру Тевтонского ордена Станислав Глебович в начале 1501 г. [Caro 1888: 1023; LUB, II.2, nr 8, S. 4].

Согласно «Хронике Быховца», автор которой был достаточно хорошо осведомлен о действиях Александра, тот получил «одповедные грамоты» Ивана в Обольцах, где провел вторую половину 20-х чисел июля и первую декаду августа [ПСРЛ 17: 561; Pietkiewicz 2016: 79–80].

---

[19] Как правило, такие грамоты известны лишь по упоминаниям [НПЛ: 421; ПСРЛ 16: 182; ПЛ 2: 210; ГВНП: 42]. Ср. упоминание о такой грамоте Ивана III, адресованной, очевидно, Новгороду в 1477 г.: «1477. Schreiben die von Darpt, das der Moscowiter seinen entsagbrieff nach Nawgartten und Pleßkow geschikht hab» (LVVA, f. 673, apr. 4, k. 19, l. 258, lp. 4). До наших дней сохранилось послание Ивана IV об объявлении войны ливонскому магистру, рижскому архиепископу, ливонским епископам и «всемъ людем» [Попов, Филюшкин 2011: 199–201] (интересно, что эта грамота датирована ноябрем 1557 г., то есть временем до начала боевых действий, но была доставлена в Нарву лишь в конце января 1558 г.).

[20] Ср. старопольск. odpowiedzieć ‘объявить войну’, list odpowiedni ‘послание об объявлении войны’ [Szweda 2019: 108] и ранний пример фиксации однокоренных слов в древнерусском языке — в перемирной грамоте литовских князей с польским королем Казимиром Великим 1352 г.: «А коли будеть по миру, кто не оусхочеть далѣи миру держати, тотъ ѡтповѣсть, а по ѡтповѣдѣньи стояти миру за мѣсѧць» [Розов 1928: № 3].

Известно, что Александр, уже получив грамоту Ивана III, писал ему из Обольцев 26 июля, прося опасную грамоту на свое посольство (во главе с Яном Заберезинским); это послание доставил в Москву дворянин господарский Мацко Кунцевич [Сб. РИО 35: 301, прим.][21]. Согласно «Выписке из посольских книг», грамоту об объявлении войны доставил Александру посол великого князя московского Иван Телешов [ВПК: 77][22]. Уже 11 августа 1500 г. Иван III предписывал своим послам заявить крымскому хану Менгли-Гирею: «А что межы насъ съ нимъ [Александром Ягеллоном. — *П. С., Е. С.*] правда была, и мы ему ту свою правду сложили и ратны есми съ нимъ учинились» [Сб. РИО 41: 316]. Формально говоря, здесь Иван III не погрешил против истины, но деликатно умолчал о том, что объявил войну зятю с серьезным запозданием.

Судя по всему, Иван пользовался этой неопределенностью и вместе с тем пытался сыграть на «самостоятельности» своих новых подданных, которые ему активно подыгрывали. Благодаря этому он смог затянуть официальное объявление войны до конца июня 1500 г., когда ситуация уже сложилась в пользу московской стороны. Поскольку и в Москве, и в Литве об этом прекрасно знали, то напрашивается предположение, что день 24 июня был выбран не случайно, а как день памяти Иоанна Предтечи, который мог рассматриваться как святой покровитель Ивана III (крещенного, впрочем, в честь св. Иоанна Златоуста) [Литвина, Успенский 2006: 218].

---

[21] Публикатор опустил имя «с Мацком с Кунцовымъ», которое восстановлено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93. Ср.: [ВПК: 77].

[22] Несколько иначе расставляет акценты летописный свод 1518 г.: Иван III «послал о них [кн. Семене Можайском и Василии Шемячиче. — П. С., Е. С.] с отказом Ивана Телешова, а с розметною послал к великому князю Александру Афонасиа Шеенка вязмитина» [ПСРЛ 28: 333]. Последний упоминался и в древнейшей московской посольской книге по сношениям с Литвой. Издатели приводят слова, которые удалось разобрать в поврежденной части: «[...] а которой <вя>[...] Офонасий Шеенок <съя и> х королю з гр[амо]тою съ складною, и того у Ивана взяли въ Смоленск[у] тайно да утопили» [Сб. РИО 35: 301, прим.; уточнено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93об.; буквы, заключенные в угловые скобки, читаются неуверенно]. Существительное «король» здесь явно относится к Александру Казимировичу, но для 1500 г. оно анахронично, поскольку он стал королем польским лишь в 1501 г., после смерти своего брата Яна Ольбрахта. Это указывает на позднейшее составление или редактирование данной записи. Ср. именование Александра «королем» в записи псковской летописи о событиях 1500 г.: [ПЛ 1: 84]. Из приведенного известия московской посольской книги Ф. Конечный делал далеко идущий вывод о московской оппозиции Ивану, которая противодействовала формальному объявлению войны Александру [Koneczny 1984: 119]. Не исключено, что задержка московского гонца, добиравшегося из Москвы в Обольцы, также была частью тактики Ивана III; менее вероятным представляется предположение, что сам Александр медлил с его приемом.

5. Как составлена грамота Ивана III?

О содержании грамоты до сих пор приходилось судить лишь по заметке в «Выписке из посольских книг» второй половины XVI в.: «Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич к великому князю Олександру Литовскому Ивана Телешова... Да с ним же князь великий послал грамоту складную о том, что Олександр по докончанью ни в чом не правит, великую княгиню Елену и князей и панов русских нудит к римскому закону. И государь за христьянство хочет стояти, колько Бог поможет, а крестное целованье и докончанье долов» [ВПК: 77]. Теперь этот краткий пересказ можно сопоставить с полным текстом послания.

В дошедшем до нас переводе довольно точно передан титул Ивана III [Хорошкевич 2004: 108–111][23], однако здесь вместо «пермский» написано «перемышльский» (путаница с коронным Перемышлем?). Титул же Александра передан чрезвычайно кратко: «Великому князю Александру литовскому». На мысль о том, что это не случайность и не сокращение переводчика, а намеренное сокращение титула московской стороной, наводит пересказ аналогичной грамоты Василия III Сигизмунду Старому 1512 г. в «Выписке из посольских книг»: «Да послал х королю [с] складною грамотою подьячего Васюка Всесвятцкого. А в грамоте писал свое имя с титлы, а королево без титлы» [Сб. РИО 35: 498–499; ВПК: 123].

В Новое время декларации об объявлении войны превратились в особый жанр. В них не просто объявлялось об отказе от мира, но и приводились аргументы в пользу такого решения, а благодаря печатному станку они становились достоянием широкой общественности [Klesmann 2007; Tischer 2012; там же указана прочая литература]. Расторжение «вечного мира» было очень серьезным шагом, который требовал столь же серьезного обоснования. Какие же аргументы были использованы для объявления войны Иваном III, его приближенными и канцеляристами?[24]

Прежде всего обращает на себя внимание некоторая хаотичность аргументации. Начинается грамота с обвинения в адрес Александра в контактах с врагами Ивана III — «Ахматовыми детьми», т. е. Большой Ордой,

---

[23] Точно такой же титул употреблен в опасной грамоте Ивана III для послов Александра, выданной по просьбе последнего после получения им складной грамоты [Сб. РИО 35: 301, прим.; уточнено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93] (в публикации титулатура сокращена).

[24] Не беремся судить, кто из них занимался составлением грамоты. Дьяк Федор Васильевич Курицын, игравший ключевую роль в формировании и осуществлении внешней политики Ивана III начиная с 80-х гг., к лету 1500 г. перестает упоминаться, а его место занимают другие дьяки. Скорее всего, к этому времени он уже умер [Назаров 2010]. Благодарим за консультацию по этому вопросу В. Д. Назарова.

и ливонским отделением Ордена. С Шейх-Ахмедом (Шиг-Ахматом), ханом Большой Орды, и его братьями («Ахматовыми детьми») Александр обменивался посольствами достаточно регулярно начиная с 1495 г., но до заключения договора с ним при участии польского короля Яна Ольбрахта дело дошло лишь в январе 1501 г. [Варонін 2011: 128–130]. Еще менее активными были контакты с ливонским магистром Вольтером фон Плеттенбергом: тот, несмотря на все просьбы Александра помочь против России (даже после начала московско-литовской войны), занимал выжидательную позицию, и лишь в 1501 г. был заключен договор [Varakauskas 1982: 128–131; Дзярновіч 2003: 227–248]. Для расторжения «вечного мира» этого было мало. Поэтому далее в послании Ивана III великий князь литовский обвиняется в том, что не соблюдал «утвержденной грамоты» о «греческом законе» Елены, не велел ее венчать по православному обряду, не поставил ей церковь и приставил к ней придворных «римского закона». От Елены грамота внезапно переходит к «обидам» купцов, едущих в Россию через Литву. После этого изложение возвращается к тому, что Александр не выполняет требований, переданных ему Иваном. Почти все эти обвинения московская сторона высказывала начиная с 1495 г., но здесь их изложение ближе всего к речам великокняжеских послов 1498 г. и к ответам литовскому посольству 1500 г.[25] Кульминации обвинения достигают к концу письма, где говорится, что Александр требует от Елены принять католицизм, велит ставить «божницы», т. е. костелы[26], в Полоцке и других городах Литовской Руси, и силой обращает русь в «римский закон», разлучая семьи. Эта часть дословно повторяет претензии, высказанные на переговорах в Москве в апреле 1500 г.

Стоит обратить внимание не только на то, что есть в грамоте Ивана III, но и на то, чего в ней нет. А нет в ней упоминаний о действиях северских князей — вчерашних подданных Александра Ягеллона — и вообще конкретики, которая подтверждала бы факт широких притеснений православных жителей Великого княжества Литовского. При всей хаотичности грамоты центральное место в ней занимают заявления о притеснениях Елены Ивановны. В этом плане публикуемую грамоту можно сопоставить с посланием, которое сохранилось в архиве великих магистров Тевтонского ордена и по описанным в нем событиям датируется 1500 г. Сообщив о своем здоровье и приеме нового брата в Орден, а затем перейдя к международным новостям, неизвестный автор послания счел нужным подчеркнуть династический момент — что ве-

[25] Соответствующие места отмечены ниже, в публикации источника.

[26] Утверждение Г. Мицкунайте [Mickūnaitė 2017: 186], будто «божница» в сообщениях московской посольской книги означает синагогу, неточно. В древнерусском языке это слово означало «помещение для богослужения, церковь» (в том числе и православную). См.: [СДРЯ 1: 279].

ликий князь литовский, на которого напал великий князь московский, женат на его дочери[27].

Но этим династический аспект в истории объявления войны Александру Ягеллону не ограничивается. Изучение дипломатической документации Великого княжества Литовского 1500 г. показывает, что весьма подробный пересказ грамоты Ивана III содержится в посольстве молдавского воеводы Стефана Великого к Александру Казимировичу. Это вполне объяснимо: еще в начале 1483 г. была сыграна свадьба Елены Стефановны (Волошанки) и Ивана Ивановича (Молодого), сына Ивана III. Несмотря на смерть Ивана Молодого в 1490 г., Москва и Молдавия поддерживали дружественные отношения, а в начале 1498 г. сын Ивана Молодого и Елены Волошанки, Дмитрий-внук, был провозглашен соправителем и наследником Ивана III: в Успенском соборе Московского Кремля состоялось торжественное венчание Дмитрия «на великое княжение владимирское, московское, новгородское и всея Руси». В 1499–1502 гг. при дворе Ивана III шла политическая борьба, завершившаяся падением и заточением Дмитрия-внука и переходом статуса соправителя и наследника к Василию Ивановичу (будущему Василию III), что вызвало негативную реакцию в Молдавии [Хорошкевич 1980: 89–92, 99–101, 106–108, 113–115]. Однако к лету 1500 г. эта борьба была далека от завершения [Каштанов 1967: 102–155, 170–186; Казакова 1976: 148–156; Зимин 1982: 160–177, 181–182, 197–199; Назаров 2013]. В 1499 г. Стефан Великий заключил договоры с Яном Ольбрахтом и Александром Ягеллоном. Молдавский господарь был заинтересован в совместном противостоянии османской угрозе, тогда как московский правитель — в борьбе с Ягеллонами. В связи с этим можно говорить о некотором охлаждении московско-молдавских отношений. Тем не менее в 1500 г. у Ивана III побывали молдавские послы — хотинский наместник Федор Исаевич и дьяк Шандр. Они прибыли в Москву весной (в апреле или мае), а покинули ее вместе с дьяком московского великого князя Микитой незадолго до 11 августа, когда Иван просил Менгли-Гирея проводить их к Стефану [ПСРЛ 8: 238; Сб. РИО 41: 316]. После их прибытия Стефан послал своего дьяка Константина к Александру, от которого он должен был направиться прямиком к Ивану [LM 5 (1993): 166–168][28].

[27] «Item der großfurste von Muschkow hoth dem von Littauwenn, der seyne tochter hot, merglichenn schadenn gethan, slos und stete angewunnen, und ist widderumb czurůcke geczogenn. Der grosfurste von Littauwenn bearbeit sich umb hulff und beistandt, versammelt ouch vil folkes in meynung, dem von der Musschkow wedirstandt zcu thun. Was doruß werdenn wil, wirt man nach der zceit vernehmen» [GStAPK, OBA 18332].

[28] Очевидно, благодаря этому маршруту текст посольства Стефана к Ивану и оказался в составе Литовской метрики. О литовско-молдавских дипломатических контактах см.: [Banionis 1988].

Этот посол и пересказал Александру «обиды» Ивана, о которых литовский правитель к тому времени уже узнал из грамоты своего тестя.

Объявление войны Александру Ягеллону имело и другой аспект, связанный с делопроизводством и зарождающейся бюрократией Московского государства. Как показала Л. В. Мошкова, посольских книг в их нынешнем виде в конце XV в. еще не было, сама форма книги лишь утверждалась в московском делопроизводстве (так же обстояло дело и в Литве). Материалы будущих посольских книг существовали в какой-то другой форме — тетрадей, столбцов, листков[29]. Древнейшая посольская книга по связям с Литвой была составлена лишь после 1505 г., при новом великом князе Василии III — как предполагает Л. В. Мошкова, в процессе разборки накопившейся документации в ее первоначальной форме [Мошкова 2017]. К сожалению, сохранившиеся материалы — не только сама посольская книга, но и материалы тех же сношений в книгах Литовской метрики — практически не позволяют выяснить, насколько полно при этом был воспроизведен накопившийся к тому времени комплекс. Но исследование языка посольских книг показывает, что писцы отнеслись к нему достаточно бережно [Циммерлинг 2020]. Публикуемая грамота свидетельствует, что эта «докнижная» документация использовалась в политике, притом весьма активно[30]. Так на рубеже Средневековья и Нового времени к традиционным династическим взаимоотношениям как фактору «большой политики» и борьбы за господство в Восточной Европе добавлялись формирующиеся бюрократия и делопроизводство.

Приложение

Текст грамоты Ивана III передается согласно правилам, принятым историками для публикации немецкоязычных актовых и эпистолярных источников эпохи позднего Средневековья, в частности современными издателями «Ливонских грамот» [Thumser 2008]: в согласной позиции печатается *v*, в гласной — *u*, сокращения раскрываются без оговорок, исправления в тексте и необычные чтения оговариваются, концы строк не отмечаются, текст разбивается на предложения и абзацы по смыслу, вводится современная пунктуация. Имена собственные, названия стран и народов и производные от них прилагательные, *nomina sacra*

[29] Примером может служить подлинная вестовая грамота от февраля 1496 г. со следами сгибов, вплетенная в посольскую книгу [РГАДА, ф. 79, оп. 1, № 1, л. 197; публ.: Сб. РИО 35: 171–172, прим.). Она датируется по упоминанию о приеме Александром Ягеллоном в Городне московского посла Третьяка Долматова, который от имени Ивана III просил пропустить к нему посольство «турецкого царя» [LM 5 (2012): № 340, 341; ср. Сб. РИО 35: 213–215].

[30] На то, что она была каким-то образом упорядочена еще до создания книг, указывают случаи совпадения почерков, которыми в этих книгах написаны материалы за одни и те же годы [Мошкова 2017: 241].

печатаются с прописной буквы. Утраченные фрагменты отмечаются квадратными скобками и по возможности восстанавливаются по смыслу и сохранившимся фрагментам букв.

Перевод выполнен с учетом близких по содержанию и форме текстов, сохранившихся в московской посольской книге по сношениям с Великим княжеством Литовским и в 5-й книге записей Литовской метрики. Ссылки на соответствующие места приводятся в примечаниях к переводу. Это призвано облегчить сравнение средненижненемецкого перевода с материалами дипломатических сношений конца XV в. При этом допущена незначительная модернизация, цель которой — облегчить понимание текста.

1500 г. июня 24. Москва. — Великий князь московский Иван III объявляет войну великому князю литовскому Александру.

Перевод: *Archiv der Hansestadt Lübeck, Altes Senatsarchiv, Externa, Ruthenica (01.1–03.17), Nr. 19. Бумага, 22×29,5 см, правый край потрепан (утрачено от 9 до 17 мм). В левом верхнем углу:* Iwani imperatoris Russorum declaratio belli contra Allexandrum magnum ducem Lithuaniae. *Вдоль верхнего края:* 1500 Juni 24 *(поч. Германа Гильдебранда, вторая пол. XIX в.). Вдоль нижнего края:* Vol. 1. Misc. Russ. 1. *(поч. Карла Дрейера, синдика г. Любека в 1752–1802 гг.). На обороте в левом нижнем углу:* Russen *(XVI в.).*

Iwan, van Godes gnaden eyn here aller Rußen, eyn grotforste to Wolodimar unde Moskow, Nowgar[den], Ploskow, Otfyren, Iwelhorst[a], Peremißelsky[a], Bulbarsky[a] etc. unde anderer landt.

Deme grothfo[rsten] Allexandro tho Lettowen.

So wy mit dy hebben gemaket eyne frundschopp unde eyne voreyninge u[nde] dat crucze hefftu darup gekusset, dat du scholdest wesen unsen frunden eyn frund unde unsen vyen[den] eyn vyent; unde doch na der voreyninge nicht recht doest na dyner krutzkussinge. To velen malen heff[tu] gesant in dat heer to unsen vienden, to deme Taterschen keyßer Achmat unde synen kindern, u[nde] huten noch sendest to en, unde leydest se up uns, unde wilt syn myt den boßen mennen tegen de cristenh[eit]. Unde ock besendestu dy myt unsen vienden to Lifflande unde voreynigest dy mit one up uns, quad[es][b] dǒnde. Unde ock unsen namen hefftu geschreven to uns in dynen breven nicht sodaner wise, alse in u[nser] eyninge myt dy geschreven steet. Unde als denne dyne heren myt unser dochter van uns genom[en] hebben eyne uthschrifft, wu id in dynem bevestigeden breve to uns stan schal umme den Grekessch[en] geloven, darinne hestu nicht recht gedan na der voreyninge. Unde wowol wy hebben to dy laten th[en] unse dochter unde unse byaren myt dynen heren, myt forsten Allexandro unde heren Johanne, unde [he]bb[en] gelaten, dat unse dochter eyn bisschopp unses Grekesschen geloven scholde echtigen effte de abbet Mach[arius], de dar is eyn stadholder des metropolitani, unde eyne

kerke Godes unses Grekesschen gelovens schold[estu] setten unser dochter an deme ummegange dynes hoves Grekessche kerken, unde heren, junckfrowen un[de] frowen des Grekesschen geloven scholden by ore sin unde nicht van deme Romisschen geloven. Unde als denne unse dochter to dy is gekomen to der Ville, darsulves hefftu tegen dyne bevestigede breve geda[n] unde hefft begunt to reyßende unse dochter to deme Romisschen geloven, unde hefft nicht laten echtig[en] eynen bisschopp unses geloven noch Macharium. Ock hefftu nicht bevolen to settende de kerke Godes de[s] Grekesschen geloven beth an disse tyd; besunderen hesst to ore gesatt heren unde fruwen alle van deme R[o]messchen geloven. Unsen boden, gesten unde kopluden, to uns komende, hestu dorch dine lande th[o] theende nicht togelaten. Unde war de koplude to uns voren up unsen namen, bevelest du van on bynnen [dynem lande] to diner behoff behalven, wo vele unser koplude in dynen landen sin berovet unde vorkofft umme s[...], unde hefft overigen tollen van one genomen unde in velen anderen saken hestu uns nicht is recht geda[n. Unde wy] hebben dy umme der sake willen nicht to eynem male unse boden gesant; besunderen ock by dinen boden hebben wy to dy laten werven, du uns scholdest recht don na der voreyninge unde crutzkussinge, un[de] hestu uns nicht recht gedan. To unser dochter hestu gesant den bisschopp van Smolensk[e], afftreder des Grekesschen geloven, unde ock dynen bisschopp van der Ville unde de monneke de Berna[rdinen], dat se insampt myt den Russchen hertogen unde heren unde ock myt den borgeren to Ville u[nde allen] Russen scholden to deme Romisschen geloven treden. Unde hute hestu noch unrecht gedan den Russen, sodans dat hyr tovoren nicht gewesen is, by dines vaders tyden unde by sinen vorvaderen, wo vele hefftu laten setten des Romisschen geloven in der Russchen stad to Ploskow unde ock in anderen st[eden], hefft ock de wivere van oren mannen unde de kindere van oren elderen unde van oren guderen myt [gewalt] gedrungen in den Romisschen geloven.

Unde so du sodane dinck dryft boven de eyndracht unde cru[tzkussinge] unde boven dat, dat unse dochter unde alle den Grekesschen geloven wult maken to deme Latine, da[rumme] wy[a] van Godes gnaden vor de cristenheit des Grekesschen geloven willen wy[a] stan, so verne uns God he[lpet]. Unde so up uns is gewest de crutzkussinge, unde de crutzkussinge sy van uns dy affgesecht. Ock sch[al] God myt dy darumme richten unde de utherwelde Godes thelerinne unde de vorlosinge des Cru[tzes]. Geschreven tor[c] Moskow, des sommers VII[M] des VIII, manthes Junii des XXIIII dages.

Auschultata ex originalo.

[a] Так! [b] Восстановлено предположительно. [c] Далее зачеркнута неудачно написанная M *и еще одна буква.*

Перевод

Иван, Божьей милостью господарь[31] всея Руси, великий князь владимирский и московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский и проч. и иных земель.

Великому князю Александру литовскому.

Как мы с тобой взяли дружбу и докончанье, и ты крест целовал на том, что нашим друзьям быть тебе другом, а нашим недругам быть тебе недругом; и ты неправо чинишь по докончанию, по твоему крестному целованию, много раз ты посылал в войско [*должно быть:* в Орду] к нашим недругам, к татарскому царю Ахмату и его детям [*должно быть:* к татарского царя Ахматовым детям], и ныне еще посылаешь к ним, и наводишь их на нас, и хочешь быть со злыми людьми против христиан[32]; и ссылаешься с нашими недругами в Ливонской земле и одиначишься с ними на нас, зло творя. И наше имя ты писал к нам в своих грамотах не так, как написано в нашем докончанье с тобою[33]. А что твои паны с нашей дочерью [*возможно, должно быть:* о нашей дочери] взяли у нас список, каковой твоей грамоте утвержденной быть у нас о греческом законе, и ты тому право не учинил по докончанию[34]. И как мы отпустили к тебе нашу дочь и наших бояр с твоими панами, с князем Александром и с паном Яном, и приказали, что венчать нашу дочь епископу нашего греческого закона или архимандриту Макарию, который там на митрополичьем месте, и церковь Божью нашего греческого закона было тебе поставить нашей дочери на переходах у своего двора, греческую церковь, и панам, девицам и паням греческого закона было у ней быть, а не римского закона; и как приехала наша дочь к тебе в Вильню, ты вместо этого учинил против твоих укрепленных грамот, и начал принуждать нашу дочь к римскому закону, и не велел ее венчать ни епископу нашего закона, ни Макарию. И ты до сих пор не велел поставить церковь греческого закона, а еще панов и паней приставил ты к ней всех римского закона[35]. А послам нашим, гостям и купцам, к нам едущим, ты не дал проезда через свои земли. А как купцы едут к нам на наше имя, то в [твоих землях] ты велишь их по твоему слову окружать, и купцов наших было много в твоих землях ограблено и продано [*утрата текста; возможно, должно быть:*

[31] О полной форме см.: [Бачинский et al. 2018: 111–112].

[32] [Сб. РИО 35: 256–257, 269, 286, 290 (март 1498 г., июль, август, декабрь 1499 г.); LM 5 (1993): 167].

[33] [Сб. РИО 35: 252, 256, 285, 298 (май и август 1498 г., апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].

[34] [Сб. РИО 35: 252 (март 1498 г.); LM 5 (1993): 167].

[35] [Сб. РИО 35: 191, 206, 252, 255 (май и август 1495 г., март 1498 г.)].

без вины], и ты брал на них лишние пошлины[36]. И во многих иных делах ты не чинил нам право. И мы из-за такого дела не единожды посылали к тебе своих послов, и еще с твоими послами к тебе приказывали, чтобы тебе чинить нам право по докончанию и крестному целованию; и ты нам право не чинил[37]. К дочери к нашей посылал ты владыку смоленского, отметника греческого закона, да бискупа своего виленского и чернецов бернардинов, чтобы она вместе с князьями русскими и панами и местичами виленскими и [всей] русью приступила к римскому закону[38]. А ныне еще неправо учинил руси, чего наперед того при твоем отце и при его предках не бывало: сколько велел поставлять [божниц] римского закона в русском городе в Полоцке и в иных городах, да жен от их мужей и детей от их отцов [*досл.* родителей] и от их животов отнимая, силой принуждают к римскому закону[39].

И как ты такие дела творишь вопреки одиначеству и [крестному целованию], и ты нашу дочь и весь греческий закон хочешь обратить в латинский, — мы Божьей милостью хотим стоять за христианскую веру греческого закона, сколько нам Бог поможет; и какое было на нас крестное целование, и то крестное целование к тебе с нас долой. И пусть с тобой Бог о том управит и Пречистая Матерь Божья и сила [животворящего] Креста.

Писана на Москве, в лето 7008-е, месяца июня 24 дня.

Переведено с оригинала.

Сокращенные названия архивов, библиотек и их фондов

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, С.-Петербург
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin
LMAVB RS — Lietuvos Mokslų akademijos bibliotekos Rankraščių skyrius, Vilnius
LVVA — Latvijas valsts vēstures arhīvs, Rīga
OBA — Ordensbriefarchiv

Библиография

Источники

АЗР 2018
Акты, относящиеся к истории Западной России, 2: 18-я и 32-я книги записей Литовской метрики. Метрика королевы Боны, Москва, 2018.

[36] [Сб. РИО 35: 244, 255, 263 (март и август 1498 г.)].
[37] [Сб. РИО 35: 252 (март 1498 г.)].
[38] [Сб. РИО 35: 292, 294, 299 (декабрь 1499 г., апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].
[39] [Сб. РИО 35: 299 (апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].

АСД 9
Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, 9, Вильна, 1870.

ВПК
«Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг., сост. Б. Н. Морозов, ред. тома С. О. Шмидт, (= Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв., 2) Москва, Варшава, 1997.

ГВНП
Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

НПЛ
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, подг. А. Н. Насонов, Москва, Ленинград, 1950.

ПДС 1
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, 1: Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою, 1 (с 1488 по 1594 год), С.-Петербург, 1851.

ПЛ 1–2
Псковские летописи, 1–2, подг. А. Н. Насонов, Москва, Ленинград, 1941–1955.

ПСРЛ 8
Полное собрание русских летописей, 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку, С.-Петербург, 1859.

ПСРЛ 16
Полное собрание русских летописей, 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки, Санкт-Петербург, 1889.

ПСРЛ 17
Полное собрание русских летописей, 17: Западнорусские летописи, С.-Петербург, 1907.

ПСРЛ 28
Полное собрание русских летописей, 28: Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись), Москва, Ленинград, 1963.

Розов 1928
Розов В., *Українські грамоти, 1: XIV і перша половіна XV в.*, Київ, 1928.

Сб. РИО 35
Сборник Императорского Русского исторического общества, 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1, С.-Петербург, 1882.

Сб. РИО 41
Сборник Императорского Русского исторического общества, 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией, 1, С,-Петербург, 1884.

AJDSK
Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504), par. D. Antanavičius ir R. Petrauskas, Vilnius, 2007.

ASPK III.2
Akta stanów Prus Królewskich, III, 2 (1498–1501), wyd. K. Górski, M. Biskup (Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 54), Toruń, 1963.

CESXV 3
Lewicki A., ed., *Codex epistolaris saeculi XV*, 3 (= Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 14), Cracoviae, 1894.

HUB 11
Hansisches Urkundenbuch, 11 (1486 bis 1500), bearb. von W. Stein, München, Leipzig, 1916.

Katalog 2016
Katalog dokumentów i listów królów polskich z Archiwum Państwowego w Gdańsku (Jan Olbracht i Aleksander Jagiellończyk), oprac. S. Szybkowski, Gdańsk, 2016.

LM 5 (1993)
Lietuvos Metrika. Užrašytų knyga 5, 5: 1427–1506, par. E. Banionis, Vilnius, 1993.

LM 5 (2012)
Lietuvos Metrika. Užrašytų knyga 5, 5: 1427–1506, par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius, Vilnius, 2012.

LUB II.1
Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch, 2, 1: 1494 Ende Mai — 1500, Hrsg. von L. Arbusow, Riga, Moskau, 1900.

Sanuto 3
I diarii di Marino Sanuto, 3, Venezia, 1880.

Stahl 2004
Stahl I., *Katalog der mittelalterlichen Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Bremen*, Wiesbaden, 2004.

St. Anselmi Fragen
St. Anselmi Fragen an Maria, *Det Kongelige Bibliotek København, Cod. Thott. 109,4°, fol. 232r-252r* (https://www.ruhr-uni-bochum.de/wegera/Kh_Kopenhagen_Cod.Thott.109,4.pdf)

Литература

Алексеев 2009
Алексеев Ю. Г., *Походы русских войск при Иване III,* 2-е изд., С.-Петербург, 2009.

Бачинский et al. 2018
Бачинский А., Ерусалимский К., Кочековская Н., Моисеев М., Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования, *Российская история*, 2018, 2, 111–129.

Бойцов 2017
Бойцов М. А., Что знали при дворе Ивана III о «конституции» Священной Римской империи?, *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга)*, Калуга, 2017, 65–85.

Варонін 2011
Варонін В. А., З гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV — першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат, *Studia historica Europae Orientalis*, 4, Минск, 2011, 127–149.

Варонін 2019
Варонін В. А., Полацк на мяжы XV і XVI стагоддзяў: падзеі, працэсы, рысы штодзённасці, *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2017 г.)*, уклад. Т. У. Явіч, Полацк, 2019, 33–40.

Груша 2019
Груша А. И., *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.)*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Дзярновіч 2003
Дзярновіч А. І., *«...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй ў канцы XV — першай палове*

XVI стст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз, 1 (= Athenaeum. Commentarii historiae et culturae, 7), Мінск, 2003.

Зимин 1982
Зимин А. А., *Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории)*, Москва, 1982.

Казакова 1975
Казакова Н. А., *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XV в.*, Ленинград, 1975.

Казакова 1976
Казакова Н. А., Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV — начале XVI в., *Вспомогательные исторические дисциплины,* 7, Ленинград, 1976, 148–166.

Каштанов 1967
Каштанов С. М., *Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в.*, Москва, 1967.

Кром 2019
Кром М. М., *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.,* 3-е изд., испр. и доп., Москва, 2019.

Литвина, Успенский 2006
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Лурье 1979
Лурье Я. С., Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская, как писатель-публицист, *Canadian-American Slavic Studies*, 1979, 13, 1–2, 111–120.

Мошкова 2017
Мошкова Л. В., Русские посольские книги: начало формирования, *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга)*, Калуга, 2017, 232–250.

Назаров 2010
Назаров В. Д., Курицын Фёдор Васильевич, *Большая российская энциклопедия*, 16, Москва, 2010, 414.

Назаров 2013
Назаров В. Д., Софья Палеолог, князь Василий и князья Патрикеевы (заметки о политической борьбе в России в конце XV — начале XVI в.), *Проблемы истории России*, 10: *Исторический источник и исторический контекст*, Екатеринбург, 2013, 73–81.

Попов, Филюшкин 2011
Попов В. Е., Филюшкин А. И., Как начиналась Ливонская война?, *Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*, 2, Москва, 2011, 192–201.

Преп. Иустин Попович 2007
Преп. Иустин Попович, *Догматика Православной Церкви. Пневматология,* 2007.

СДРЯ 1
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1, Москва, 1988.

СДРЯ 9
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 9, Москва, 2012.

СлРЯ 20
Словарь русского языка XI–XVII вв., 20: *Присвоение — Прочнутися*, Москва, 1995.

Трепавлов 2010
Трепавлов В. В., *Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории*, Тула, 2010.

Флоря 2007
Флоря Б. Н., Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI в., Idem. *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье*, Москва, 2007, 233–285.

Флоря 2008
Флоря Б. Н., Елена Иоанновна, *Православная энциклопедия*, 18, Москва, 2008, 307–309.

Хорошкевич 1980
Хорошкевич А. Л. *Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в.,* Москва, 1980.

Хорошкевич 2004
Хорошкевич А. Л., Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской литературе XVI в., *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 63), Wiesbaden, 2004, 102–127.

Хорошкевич 2007
Хорошкевич А. Л., Елена Ивановна, *Большая российская энциклопедия*, 9, Москва, 2007, 645–646.

Цемушаў 2010
Цемушаў В. М., Шляхі і сродкі далучэння тэрыторый да Вялікага княства Маскоўскага падчас войнаў з ВКЛ у канцы XV — першай трэці XVI ст., *Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.)*, Мінск, 2010, 11–17.

Цемушаў 2014
Цемушаў В. М., *На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.)*, Смаленск, 2014.

Циммерлинг 2020
Циммерлинг А. В., Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Ивана III, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020*, 1/23, Москва, 2019, 326–372.

Baczkowski 1992
Baczkowski K., Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku, *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, pod red. Z. H. Nowaka, Toruń, 1992, 37–47.

Badstübner, Schumann 2000
Badstübner E., Schumann D., *Hallenumgangschöre in Brandenburg*, Berlin, 2000.

Banionis 1988
Banionis E., Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diplomatiniai ryšiai su Moldavijos Kunigaikštyste 1492–1501 metais, *Lietuvos istorijos metraštis*, 1987 metai, Vilnius, 1988, 23–40.

Banionis 1998
Banionis E., *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais*, Vilnius, 1998.

Białowiejska 1930
Białowiejska W., Stosunki Litwy z Moskwą w 1. połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka, *Ateneum Wileńskie*, 1930, 7, 59–110, 726–785.

Błaszczyk 2002
Błaszczyk G., *Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności*, *1492–1569*, Poznań, 2002.

Caro 1888
Caro J., *Geschichte Polens*, Bd. 5, Hbd. 2, Gotha, 1888.

DRW
Deutsches Rechtswörterbuch. Heidelberger Akademie der Wissenschaften.15.08.2021 (https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige?term=richten&index=lemmata)

Fennell 1961
Fennell J. L. I., *Ivan the Great of Moscow*, London, 1961.

Garbacik 1961
Garbacik J., Helena (1476–1513), żona Aleksandra Jagiellonczyka, *Polski słownik biograficzny*, 9, Wrocław i in., 1961, 359–362.

Halecki 1916
Halecki O., Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego, *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny,* 59 (= Ser. 2., T. 34.), Kraków, 1916, 214–254.

Jahnke 2003
Jahnke C., *Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Habilitationsschrift der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel*, Kiel, 2003.

Jensen 2004
Jensen C. S., Remembering the Dead and Caring for the Poor. Aspects of the religious life among the people of late medieval Lübeck, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, 84/2004, 35–52.

Jonaitis 2011
Jonaitis R., Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: the question of location, *Archaeologia Baltica*, 2011, 16, 110–128.

Keršienė 2017
Keršienė D., Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika, *Senoji Lietuvos literatūra*, 43, 2017, 73–117.

Kitkauskas 2012
Kitkauskas N., *Vilniaus pilys: istorija, statyba, architektūra. 2 pataisyta ir papildyta laida*, Vilnius, 2012.

Klesmann 2007
Klesmann B., *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegserklärungen des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz), Mainz, 2007.

Köbler 2014
Köbler G., Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. A. 2014 (https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html).

Koneczny 1984
Koneczny F., *Dzieje Rosji*, 3: *Schyłek Iwana III, 1492–1505*, Londyn, 1984.

Kwiatkowski 2002
Kwiatkowski K., Bitwa nad rzeką Wiedroszą i jej znaczenie dla kampanii moskiewsko-litewskiej 1500 roku, *Czasy Nowożytne*, 2002, 13, 9–95.

Mickūnaitė 2017
Mickūnaitė G., United in blood, divided by faith: Elena Ivanovna and Aleksander Jagiellończyk, *Frictions and Failures. Cultural Encounters in Crisis*, ed. by Almut Bues, Wiesbaden, 2017, 181–200.

Papée 1999
Papée F., *Aleksander Jagiellończyk*, 2, Kraków, 1999.

Peters 2012
Peters R., Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen, Teil 1: 39–65; Teil 2: 65–95; Teil 3: 96–114, Idem. *Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*, hrsg. von Robert Langhanke, Bielefeld, 2012.

Petrauskas 2015
Petrauskas R., Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim, *Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku* (= Studia Jagiellonica), B. Czwojdrak, J. Sperki, P. Węcowskiego, eds., 2, Kraków, 2015, 197–209.

Petrauskas 2008
Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje — XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Pietkiewicz 1997
Pietkiewicz K., Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka, *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.*, Vilnius, 1997, 75–131.

——— 2016
Pietkiewicz K., *Itinerarium króla Aleksandra Jagiellończyka 1492–1506* (= Itineraria Jagiellonów, 3), Warszawa, 2016.

——— 2007
Pietkiewicz K., Spór wokół osoby Aleksandra Jagiellończyka (1461–1506), *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Mokslinių straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2007, 16–24.

——— 1995
Pietkiewicz K., *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku* (= Historia), Poznań, 1995.

Rowell 2013
Rowell S. C., Whatever kind of pagan the bearer might be, the letter is valid. A sketch of Catholic-Orthodox relations in the late-medieval Grand Duchy of Lithuania, *Lithuanian Historical Studies*, 18, Vilnius, 2013, 47–65.

Rutkowska 2020
Rutkowska G., Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka, *Średniowiecze Polskie i Powszechne*, 12 (16), Katowice, 2020, 261–307.

Sarauw 1924
Sarauw C., *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*, Kopenhagen, 1924.

Schiller, Lübben V
Schiller K., Lübben A., *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, Bd. V. Bremen, 1880.

Selart 2003
Selart A., Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende der 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofs in Novgorod im Jahre 1494, *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* (= Schriftenreihe Baltische Seminare, 10), Lüneburg, 2003, 177–210.

Szweda 2019
Szweda A., Die polnischen Absagebriefe während der Kriege mit dem Deutschen Orden, *Studia historica Brunensia*, 2019, 66/1, 107–119.

——— 2009
Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

——— 2010
Szweda A., Prawna forma rozpoczynania wojny w późnym Średniowieczu na przykładzie listów

wypowiednich wielkich mistrzów zakonu krzyżackiego, *Kwartalnik Prawa Publicznego*, 2010, 10, 1–2, 173–188.

Szybkowski 2017
Szybkowski S., Kontakty wielkiego księcia litewskiego Aleksandra Jagiellończyka z Gdańskiem w latach 1492–1501, *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура*, 1, Мінск, 2017, 106–119.

Thumser 2008
Thumser M., Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert), *Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik — Amtsbücher — Digitale Edition — Projekte*, Hg. v. M. Thumser, J. Tandecki u. a. Toruń, 2008, 13–19.

Tischer 2012
Tischer A., *Offizielle Kriegsbegründungen in der Frühen Neuzeit. Herrscherkommunikation in Europa zwischen Souveränität und korporativem Selbstverständnis* (= Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit, 12.), Berlin, 2012.

Varakauskas 1982
Varakauskas R., *Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a.*, Vilnius, 1982.

References

Alekseev Yu. G., Pokhody russkikh voisk pri Ivane III, 2nd ed., St. Petersburg, 2009.

Bachinskiy A., Erusalimskiy K., Kochekovskaya N., Moiseyev M., Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: problems of authorship, storage and existence, *Rossiiskaia Istoria*, 2018, 2, 111–129.

Baczkowski K., Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku, *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Z. H. Nowaka, ed., Toruń, 1992, 37–47.

Badstübner E., Schumann D., *Hallenumgangschöre in Brandenburg*, Berlin, 2000.

Banionis E., Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diplomatiniai ryšiai su Moldavijos Kunigaikštyste 1492–1501 metais, *Lietuvos istorijos metraštis*, 1987 metai, Vilnius, 1988, 23–40.

Banionis E., *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais*, Vilnius, 1998.

Białowiejska W., Stosunki Litwy z Moskwą w 1. połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka, *Ateneum Wileńskie*, 1930, 7, 59–110, 726–785.

Błaszczyk G., *Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności, 1492–1569*, Poznań, 2002.

Boytsov M. A., Chto znali pri dvore Ivana III o «konstitutsii» Sviashchennoi Rimskoi imperii?, *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (30 marta — 1 aprelia 2017 g., Kaluga)*, Kaluga, 2017, 65–85.

Ciemušaŭ V. M., *Na ŭschodniaj miažy Vialikaha Kniastva Litoŭskaha (siaredzina XIV — pieršaja palova XVI st.)*, Smolensk, 2014.

Ciemušaŭ V. M., Šliachi i srodki dalučennia terytoryj da Vialikaha kniastva Maskoŭskaha padčas vojnaŭ z VKL u kancy XV — pieršaj treci XVI st., *Prabliemy intehracyi i inkarparacyi ŭ razvicci Centraĺnaj i Uschodniaj Jeŭropy ŭ pieryjad ranniaha Novaha času. Materyjaly mižnarodnaj navukovaj kanfierencyi, prysviečanaj 440-hoddziu Liublinskaj unii (Minsk, 15–17 kastryčnika 2009 h.)*, Minsk, 2010, 11–17.

Dziarnovič A. I., *«...in nostra Livonia». Dakumientaĺnyja krynicy pa historyi palityčnych adnosinaŭ pamiž Vialikim Kniastvam Litoŭskim i Livonijaj ŭ kancy XV — pieršaj palovie XVI stst.: Sistematyzacyja i aktavy analiz*, 1, (= Athenaeum. Commentarii historiae et culturae, 7), Minsk, 2003.

Fennell J. L. I., *Ivan the Great of Moscow*, London, 1961.

Floria B. N., Popytka osushchestvleniia tserkovnoi unii v Velikom kniazhestve Litovskom v poslednei chetverti XV — nachale XVI v., Idem. *Issledovaniia po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavianskoe Srednevekov'e*, Moscow, 2007, 233–285.

Grusha A. I., *Krizis doveriia? Poiavlenie i utverzhdenie pravovogo dokumenta v Velikom Kniazhestve Litovskom (konets XIV — pervaia tret' XVI v.)*, Moscow, St. Petersburg, 2019.

Jahnke C., *Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Habilitationsschrift der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel*, Kiel, 2003.

Jensen C. S., Remembering the Dead and Caring for the Poor. Aspects of the religious life among the people of late medieval Lübeck, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, 84/2004, 35–52.

Jonaitis R., Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: the question of location, *Archaeologia Baltica*, 2011, 16, 110–128.

Kashtanov S. M., *Sotsial'no-politicheskaia istoriia Rossii kontsa XV — pervoi poloviny XVI v.*, Moscow, 1967.

Kazakova N. A., Livonskie i ganzeiskie istochniki o vnutripoliticheskoi istorii Rossii v kontse XV — nachale XVI v., *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 7, Leningrad, 1976, 148–166.

Kazakova N. A., *Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniia. Konets XIV — nachalo XV v.*, Leningrad, 1975.

Keršienė D., Ultima serva: the Letters of Helena of Moscow, *Senoji Lietuvos literatūra*, 43, 2017, 73–117.

Khoroshkevich A. L., Otrazhenie predstavlenii o regionakh Gosudarstva vseia Rusi i Rossiiskogo tsarstva v velikokniazheskoi i tsarskoi literature XVI v., *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 63.), Wiesbaden, 2004, 102–127.

Khoroshkevich A. L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v., Moscow, 1980.

Kitkauskas N., *Vilniaus pilys: istorija, statyba, architektūra. 2 pataisyta ir papildyta laida*, Vilnius, 2012.

Klesmann B., *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegserklärungen des 17. Jahrhunderts, (= Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz)*, Mainz, 2007.

Koneczny F., *Dzieje Rosji*, 3: *Schyłek Iwana III, 1492–1505*, London, 1984.

Krom M. M., *Between Rus' and Lithuania. Borderlands in the system of the Russian Lithuanian relations from the end of the 15th to the 1st third of the 16th century*, 3rd ed., rev. and enl., Moscow, 2019.

Kwiatkowski K., Bitwa nad rzeką Wiedroszą i jej znaczenie dla kampanii moskiewsko-litewskiej 1500 roku, *Czasy Nowożytne*, 2002, 13, 9–95.

Litvina A. F., Uspensky F. I., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Lurje J. S., Elena Ivanovna, koroleva Pol'skaia i velikaia kniaginia Litovskaia, kak pisatel'-publitsist, *Canadian-American Slavic Studies*, 1979, 13, 1–2, 111–120.

Mickūnaitė G., United in blood, divided by faith: Elena Ivanovna and Aleksander Jagiellończyk, *Frictions and Failures. Cultural Encounters in Crisis*, ed. by Almut Bues, Wiesbaden, 2017, 181–200.

Moshkova L. V., Russkie posol'skie knigi: nachalo formirovaniia, *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (30 marta — 1 aprelia 2017 g., Kaluga)*, Kaluga, 2017, 232–250.

Nazarov V. D., Sof'ia Paleolog, kniaz' Vasilii i kniaz'ia Patrikeevy (zametki o politicheskoi bor'be v Rossii v kontse XV — nachale XVI v.), *Problemy istorii Rossii*, 10: *Istoricheskii istochnik i istoricheskii kontekst*, Ekaterinburg, 2013, 73–81.

Papee F., *Aleksander Jagiellończyk*, 2nd ed., Krakow, 1999.

Peters R., Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen, Teil 1: 39–65; Teil 2: 65–95; Teil 3: 96–114, Idem. *Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*, ed. von Robert Langhanke, Bielefeld, 2012.

Petrauskas R., Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim, *Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku* (= Studia Jagiellonica), B. Czwojdrak, J. Sperki, P. Węcowskiego, eds., 2, Krakow, 2015, 197–209.

Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje — XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Pietkiewicz K., Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka, *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.*, Vilnius, 1997, 75–131.

Pietkiewicz K., *Grand Duchy of Lithuania under the rule of Alexander Jagiellon. Studies on the history of the state and society at the turn of the fifteenth and sixteenth centuries* (= Historia), Poznań, 1995.

Pietkiewicz K., *Itinerarium króla Aleksandra Jagiellończyka 1492–1506 (= Itineraria Jagiellonów, 3)*, Warszawa, 2016.

Pietkiewicz K., Spór wokół osoby Aleksandra Jagiellończyka (1461–1506), *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Mokslinių straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2007, 16–24.

Popov V. E., Filiushkin A. I., Kak nachinalas' Livonskaia voina?, *Edinorog". Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*, 2, Moscow, 2011, 192–201.

Prep. Iustin Popovich, *Dogmatika Pravoslavnoi Tserkvi. Pnevmatologiia*, 2007.

Rowell S. C., Whatever kind of pagan the bearer might be, the letter is valid. A sketch of Catholic-Orthodox relations in the late-medieval Grand Duchy of Lithuania, *Lithuanian Historical Studies*, 18, Vilnius, 2013, 47–65.

Rutkowska G., Church in the Life of Helen of Moscow, the Wife of Alexander the Jagiellonian, *Średniowiecze Polskie i Powszechne*, 12 (16), Katowice, 2020, 261–307.

Sarauw C., *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*, Kopenhagen, 1924.

Selart A., Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende der 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofs in Novgorod im Jahre 1494, *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* (= Schriftenreihe Baltische Seminare, 10), Lüneburg, 2003, 177–210.

Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

Szweda A., Prawna forma rozpoczynania wojny w późnym Średniowieczu na przykładzie listów wypowiednich wielkich mistrzów zakonu krzyżackiego, *Kwartalnik Prawa Publicznego*, 2010, 10, 1–2, 173–188.

Szweda A., The Polish Letters of Feud Declaration during the Wars with the Teutonic Order, *Studia historica Brunensia*, 2019, 66/1, 107–119.

Szybkowski S., Kontakty wielkiego księcia litewskiego Aleksandra Jagiellończyka z Gdańskiem w latach 1492–1501, *Vialikaje Kniastva Litoŭskaje: palityka, ekanomika, kuĺtura*, 1, Minsk, 2017, 106–119.

Thumser M., Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert), *Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik — Amtsbücher — Digitale Edition — Projekte*, ed. M. Thumser, J. Tandecki u. a. Toruń, 2008, 13–19.

Tischer A., *Offizielle Kriegsbegründungen in der Frühen Neuzeit. Herrscherkommunikation in Europa zwischen Souveränität und korporativem Selbstverständnis* (= Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit, 12), Berlin, 2012.

Trepavlov V. V., Bol'shaia Orda — Takht eli. Ocherk istorii, Tula, 2010.

Varakauskas R., *Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a.*, Vilnius, 1982.

Varonin V. A., Z historyi ŭzajemaadnosin Vialikaha Kniastva Litoŭskaha z tatarami ŭ kancy XV — pieršaj treci XVI stst.: Chan Šyh-Achmat, *Studia historica Europae Orientalis*, 4, Minsk, 2011, 127–149.

Varonin V. A., Polack na miažy XV i XVI stahoddziaŭ: padziei, pracesy, rysy štodzionnasci, *Historyja i archiealohija Polacka i Polackaj ziamli: materyjaly VII Mižnarodnaj navukovaj kanfierencyi (Polack, 1–2 listapada 201 h.)*, T. U. Javič, ed., Polotsk, 2019, 33–40.

Zimin A. A., Rossiia na rubezhe XV–XVI stoletii (ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii), Moscow, 1982.

Zimmerling A. V., East is East? Translated and Original Letters in the Embassy Books of Ivan III, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2020, 1, 23, Moscow, 2019, 326–372.

Сергей Владимирович Полехов, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
119606, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9;
доцент Института истории
С.-Петербургского государственного университета
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
Россия / Russia
sergey.polekhov@gmail.com

Екатерина Ричардовна Сквайрс, доктор филологических наук,
профессор кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1 корпус гуманитарных факультетов;
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского отдела редких книг
Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
Россия / Russia
skvayrs@gmail.com

Received July 18, 2020